М. Ю. ЛЮБИМОВА

«Разговоры с дьяволом» и «Tertium Organum» П. Д. Успенского (Заметки об источниках романа «Мы» Е. Замятина)*

Роман «Мы» (завершен в 1922 г., первая публикация — на английском языке — 1924 г., Нью-Йорк) создан на основе широкого круга самых разнообразных печатных и устных источников. «“Мы” — самая моя шуточная и самая серьезная вещь», — признался в автобиографии (1922) автор[1]. Игровое начало в романе имеет всецело организующий характер и является основным конструктивным принципом построения текста. Замятин играет с пространством, со временем, он играет с культурной памятью читателя, обращаясь к самым различным традициям русской и мировой культуры — философии, истории, точным и естественным наукам, литературе, живописи. Такая структура, по мнению Замятина, способна отразить современное мировоззрение, и может быть адекватной той, небывалой ранее, калейдоскопичности событий, какие выпали на долю России и Европы в XX столетии.

Для исследования процедуры заимствования писателем того или другого источника необходимо составить «реестр» (с возможной полнотой) аналогий и совпадений. Нам представляется, что к уже установленным исследователями источникам возможно сделать некоторые дополнения.

---

* Впервые: Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: Сб. статей и мат-лов: (Памяти Л. А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения). СПб., 2010. С. 96–110. В настоящем издании публикуется с уточнениями и дополнениями.

[1] *Замятин Е.* Автобиография // Вестник лит-ры. 1922. № 2–3. С. 15. Здесь цит. по: *Замятин Е.* Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и комм. А. Ю. Галушкина; подг. текста А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой; вст. ст. В. А. Келдыша. М., 1999. С. 3.

Известно, что Замятин интересовался философской, богословской, мистической и оккультной литературой[2]. В анкете на вопросы для сборника «Как мы пишем» (1930) Замятин использовал одно из центральных понятий в оккультизме. Рассказывая о соседской девочке, которая своей игрой на рояле одного и того же этюда в течение полутора лет мешала ему писать, он шутливо заметил: «Если есть, как уверяют теософы, “астральное клише”, то там уже давно отпечаталась моя жестокая расправа с этой девчонкой: я ее убивал уже много раз»[3]. У Замятина был собственный мистический опыт; с друзьями он посещал спиритические сеансы. 15 мая 1911 г. он сообщает в письме невесте Людмиле Николаевне Усовой о посещении спиритического сеанса в Лесном; в другом письме от 15 января 1912 г. спрашивает, бывает ли она на сеансах медиума Яна Гузика[4]. 17 (30 мая) 1916 г. в письме к жене Людмиле Николаевне Усовой (Замятиной), отправленном из Нью-Кастла, он просил прислать из Петрограда книгу «Разговоры с дьяволом. Оккультные рассказы» П. Д. Успенского. В письме от 27 июня (10 июля) он еще раз повторил свою просьбу[5]. О том, что Замятин был знаком с другой работой Успенского — «Tertium Organum», свидетельствует следующий факт. Рецензируя в 1921 г. роман А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (напечатан в журнале «Грядущая Россия»), Замятин констатировал: «по-плотиновски Ал. Толстой Петербурга не увидел», и далее разъяснил: «Плотин говорил: “Тот, кто видит,— сам становится вещью, которую видит”»[6]. Это точное воспроизведение высказывания античного философа III в., приведенное Успенским, им же переведенного на русский с английского перевода трудов Плотина, выполненного Т. Тэйлором[7]: «Плотин <...> утверждал, что для совершенного по-

---

[2] См.: *Гребенщиков Я. П. и Замятин Е. И.* Переписка (1916–1928) / Вст. ст., публ. и комм. М. Ю. Любимовой // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 255–256.

[3] *Замятин Е.* Я боюсь. С. 159.

[4] См. подробнее: Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Редкол.: В. Н. Зайцев и др.; сост.: Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; предисл. и комм. М. Ю. Любимовой. СПб., 1997 (Рукописные памятники; Вып. 3. Часть 1–2). С. 71, 110, 111.

[5] Там же. С. 202, 208.

[6] *Мих. Платонов <Замятин Е.>*. «Грядущая Россия» // Дом искусств. 1921. № 2. С. 94–96. Цит. по: *Замятин Е.* Я боюсь. С. 63. Прежние попытки установить источник этой цитаты по русскоязычным текстам Плотина, изданным до 1921 г., были безуспешными. См. комм. А. Ю. Галушкина (Там же. С. 300).

[7] Успенский указал источник: «Select Works of Plotinus. Translslated by Thomas Taylor. Bohn’s Library».

знания субъект и объект должны быть соединены,— что разумный агент и понимаемая вещь не должны быть разделены. Потому что тот, кто в и д и т, сам становится вещью, которую в и д и т (*О гностических ипостасях*)». Далее Успенский пояснил этот тезис: «“Видеть” здесь нужно понимать, конечно, в смысле интуиции»[8]. Замятин также учел это пояснение в своем отзыве, хотя и не цитировал его[9].

Петр Демьянович Успенский (1878–1947) — русский философ, теософ, эзотерик и писатель, математик по образованию[10]. Многообразие затронутых им вопросов привлекло к его работам широкий круг читателей, о чем свидетельствует количество трудов, изданных в дореволюционной России[11]

---

[8] Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Успенский П.Д.* Tertium Organum. Ключ к загадкам мира. 2-е пересмотр. и доп. авт. изд. СПб.: Н. Т. Таберио, 1916. С. 225.

[9] К сожалению, мы не располагаем другими документальными подтверждениями о чтении Замятиным этих и других работ Успенского. Так же нам не известно, посещал ли Замятин публичные лекции Успенского в Москве и Петербурге (начиная с 1907 г.), был ли с ним знаком, кто из друзей писателя входил в окружение философа. Успенский родился в Москве, с 1909 г. жил в Петербурге; в 1920 г. эмигрировал в Константинополь; жил в Лондоне, затем в Нью-Йорке; с 1921 г. в Лондоне руководил деятельностью «Историко-психологического общества» — организации по изучению эзотерико-психолологического саморазвития.

[10] См.: *Ровнер А.Б.* Гурджиев и Успенский. 2-е перераб. изд., М.: Старклайт-Номос, 2006. Это первое систематическое исследование на русском языке жизни и творчества Успенского и Г. И. Гурджиева — основателей одного из оригинальных духовных течений XX столетия — «четвертого пути».

[11] *Успенский П.Д.* 1) Четвертое измерение. Опыт исследования области неизмеримого. СПб.: Тип. СПб. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1910 (книга вышла в 1909; 2-е перераб. и доп. изд.— 1914; 3-е вновь пересм. и доп. изд.— Пг.: М. В. Пирожков, 1918; 4-е изд., перепеч. и вновь просм. и доп. с 3-го изд.— Берлин: Парабола, 1931 — под загл.: Четвертое измерение: Обзор главнейших теорий и попыток исследования области неизмеримого); 2) Внутренний круг. О «последней черте» и о сверхчеловеке (Две лекции). СПб.: Тип. СПб. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1913; 3) Tertium Organum. Ключ к загадкам мира. СПб.: Тип. СПб. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1911 (2-е пересмотр. и доп. авт. изд.— СПб.: Н. Т. Таберио, 1916); 4) Символы Таро. Философия оккультизма в рисунках и числах (Очерк из кн. «Мудрость богов»). СПб.: СПб. гор. тип., 1912 (2-е изд. под загл.: Символы Таро (Старинная колода карт). Философия оккультизма в рисунках и числах — Пг.: Лит. кн. лавка, 1917); 5) Искания новой жизни. Что такое Йога. СПб.: Тип. акц. о-ва тип. дела в СПб. («Герольд»), 1913 (2-е изд.— Пг.: Новый человек, 1915; 3-е изд.— Пг.: М. В. Пирожков, 1918); 6) Идеи Хинтона и их приложение к жизни // Хинтон Ч. Г. Воспитание воображения и четвертое измерение. Пг.: Лит. кн. лавка, 1915; С. VI–XII; 7) «Кинемодрама» (не для кинематографа). Оккультная повесть из цикла «вечного возвращения». Пг.: Изд. А. Н. Брянчанинова (Новое Звено), 1917; 8) Разговоры с дьяволом. Оккультные рассказы. Пг.: Изд. А. Н. Брянчанинова (Новое Звено), 1916.

и за рубежом[12], переводы и исследования его жизни и творчества[13]. Исследователи творческого наследия Успенского единодушно отмечали присущее ему новое качество мышления: «Успенский сознательно обозначал свое место на пересечении различных интеллектуальных течений, создавая в этом пространстве своеобразную философию и новую психологию, прокладывая самостоятельные духовные пути и испытывая новые и древние методы духовной работы, никогда не отождествляя себя с каким-либо из существовавших направлений». В Успенском сочетались «радикальный спиритуализм» с не менее «радикальным рационализмом». Через пропасть между этими крайностями он строил мост из идей, на первый взгляд несоединимых. Он стремился в философских и научных исканиях построить идеальную модель, которая «обладала бы как теоретической, так и практической достоверностью». Теория Успенского подкреплялась практикой. Проведенные им в 1911–1912 гг. эксперименты в области измененнных состояний сознания (с использованиеми йоги, оккультных упражнений, наркотиков и веселящего газа) привели его к выводу: «объективной магии», отдельно от явлений «субъективной магии» и «мистицизма» не существует. «Субъективная магия» — галлюцинации, сновидения, самогипноз и другие виды магического опыта, по Успенскому, существуют только внутри самого субъекта. «Мистицизм» всегда носит субъективный характер и связан с измененными состояниями сознания, он достигается молитвами, медитацией, постом и т. д. Успенский не обнаружил также и мир «астрала», изучаемый теософами[14].

Отвечая на вопрос о происхождении названия книги «Tertium Organum» (оно означало «третий канон мысли»), автор объяснил, что хотел этим названием продемонстрировать: «более глубокое и обширное понимание возможностей универсальной логики существовало еще задолго до тех узких систем, которые даны нам Аристотелем и Бэконом»[15]. Успенский пытался решить вопросы,

---

[12] *Ouspensky P.* 1) Letters from Russia // The New Age. 1919. September 4, November 27, December 4, 11, 18, 25; 2) New Model of the Universe. London and New York, 1931; 2 nd ed. London and New York, 1934; 3) In Search of the Miraculous. New York, 1949; London, 1950; 4) The Psychology of Man's Possible Evolution. London, 1947; New York, 1974; 5) Conscience. The Search for the Truth. London, Boston and Henley, 1979.

[13] См: http://en.wikipedia.org/wiki/P._D._Ouspensky; http://www.ouspensky.info/englishside.htm

[14] *Ровнер А.Б.* Гурджиев и Успенский. С. 13, 34, 85.

[15] См.: Там же. С. 35.

волновавшие его современников: познаваемость реальности, психофизический параллелизм, применимость математических методов к различным областям знания. Он обращается к наиболее обсуждаемым теориям и идеям: теории пространства и времени И. Канта; идее вечного возвращения Ф. Ницше; теории пространственно-временного континуума А. Эйнштейна и Г. Минковского; идее Е. Блаватской о возрождении утраченной эзотерической традиции; буддийской концепции «линги шариры»; концепции сверхчеловека и эзотерического юллерхристианства. Успенский постоянно отсылает читателя к библейским текстам, к произведениям философов, богословов, математиков, физиков, поэтов и прозаиков. Среди них Р. Бекк, Э. Беллами, Я. Бёме, А. Волынский, Г. Гегель, А. Данте, Ч. Дарвин, У. Джемс, Ф. Достоевский, Климент Александрийский, М. Лермонтов, Н. Лобачевский, М. В. Лодыженский, К. Маркс, Д. Мережковский, Г. де Мопассан, М. Мюллер, М. Нордау, Платон, Плотин, А. Пушкин, Б. Риман, В. Розанов, В. Соловьев, Б. Спиноза, Л. Толстой, Н. А. Умов, Г. Фехнер, П. Флоренский, Ч. Хинтон, А. Шопенгауэр, Эвклид и многие другие.

Используя открытия современной физики, математики и естествознания, исходя из идей И. Канта и Э. Маха, Успенский подверг критике понятие трехмерного пространства как результата субъективной ограниченности человеческого восприятия и выдвинул идею многомерного мира, в котором четвертым измерением является время, и привнес в изложение этой (по своему происхождению восточной) доктрины ряд новшеств. Идею мерности пространства он связал с психологией человека. Универсум в его понимании предстает в образе гигантского иероглифа. Идеальная модель нового человека будущего, нового общества, которых отличает особенное понимание мира и жизни, по замечанию Успенского, могли бы разрешить «на другой плоскости» «социальные и политические вопросы, так остро выдвинутые нашим временем»[16].

Успенский критикует «материализм», в частности экономический материализм К. Маркса, а также «энергетизм» и «позитивистский метод». Различая идею вечного повторения и идею вечного возвращения, он подчеркивает, что при решении проблемы времени есть состояние, в котором они не противоположны друг другу.

Книга Успенского «Разговоры с дьяволом» (в нее вошли две повести — «Изобретатель» и «Добрый чорт») могла стать одним из источников сюжетной линии романа Замятина — о поголовной операции (прижигание «узелка фантазии») с целью достижения

[16] Там же. С. 35–36.

«всеобщего счастья» в Едином Государстве. Вероятно, рассуждения дьявола об истине, о роли зла и страдания в жизни человека, о «душе» и «разных глупых фантазиях» послужили стимулом для некоторых структурообразующих «знаковых» формул и образов в романе[17]. Дьявол рассуждает: «...у людей бывают странные фантазии», они «часто мешают людям жить и заниматься делом»; «мы создаем другие, похожие на первые, но безвредные». «А наши теории, те, которые мы выдвигаем против вредных фантазий» — это «маленькая фальсификация», «в основу мы кладем самые реальные земные факты, только такие, каких не было, не бывает и не может быть». «Наш потусторонний мир ничем не отличается от земли. Это, так сказать, земля наоборот. А ты понимаешь, что общие места, даже взятые наоборот — неопасны». «В вашей старой книге» история Адама и Евы «описана неверно». «Адам и Ева <...> жили в той пустоте, которую мы ненавидим и которая враждебна жизни». «Мы решили бороться. Задача заключалась в том, чтобы выбить из головы у этих двух их фантазии, убедить их, что мир существует, что жизнь совсем не игра, а очень серьезная и даже тяжелая вещь — и что добро и зло — понятия в высшей степени относительные и не заключающие в себе ничего постоянного. Это и значило бы изгнать их из рая. Этот *рай* нас глубоко возмущал». «И был только один способ победить Адама и Еву, это ввести в их жизнь страдание и заставить их поверить в реальность материи». «Это было начало нашей победы». «Маленькая причина иногда имеет огромные последствия. Достаточно было Адаму и Еве в этом одном случае допустить реальность материи и вещей, и эта реальность полезла, так сказать, изо всех щелей». «Никаких душ вообще нет. Что такое душа? Это только общее название явлений психофизической жизни». «У потомков Адама эволюции не существует». «У потомков Адама часто возникают опять прежние фантазии», «у них сохранились смутные воспоминания о жизни до грехопадения». Дьявол, обращаясь к людям, борющимся со злом, поясняет: «Вы не хотите понять, что зло это орудие для совершенствования. Страдание очень часто — единственное средство заставить человека понять высшие духовные истины»[18].

---

[17] Как правило, заимствование Замятиным идей, образов, цитат восходит не к одному, а к нескольким литературным или историческим источникам. В данной статье (ввиду ее ограниченного объема) мы сознательно опускаем другие источники влияния.

[18] *Успенский П.Д.* Разговоры с дьяволом. С. 102–105, 108–109, 112, 114–115, 117, 118.

В романе Замятина Благодетель, подобно дьяволу, объясняет «потомку Адама» Д-503: «Я спрашиваю: о чем люди — с самых пеленок — молились, мечтали, мучились? О том, чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им, что такое счастье,— и потом приковал их к этому счастью на цепь. Что же другое мы теперь делаем, как не это? Древняя мечта о рае... Вспомните: в раю уже не знают желаний, не знают жалости, не знают любви, там — блаженные, с оперированной фантазией (только потому и блаженные) — ангелы, рабы Божьи... И вот, в тот момент, когда мы уже догнали эту мечту, когда мы схватили ее вот так,— (Его рука сжалась: если бы в ней был камень,— из камня брызнул бы сок), когда уже осталось только освежевать добычу и разделить ее на куски — в этот самый момент вы — вы...» (запись 36; с. 282)[19]. Другой «потомок Адама» — поэт R-13 рассматривает «древнюю легенду о рае» как историю о себе и своих современниках: «Тем двум в раю — был предоставлен выбор: или счастье без свободы — или свобода без счастья; третьего не дано. Они, олухи, выбрали свободу — и что же: понятно — потом века тосковали об оковах. Об оковах — понимаете — вот о чем мировая скорбь. Века! И только мы снова догадались, как вернуть счастье... <...> Древний Бог и мы рядом, за одним столом. Да! Мы помогли Богу окончательно одолеть диавола — это ведь он толкнул людей нарушить запрет и вкусить пагубной свободы, он — змий ехидный. А мы сапожищем на головку ему — ттрах! И готово: опять рай. И мы снова простодушны, невинны, как Адам и Ева. Никакой этой путаницы о добре, зле: все — очень просто, райски, детски просто. Благодетель, Машина, Куб, Газовый Колокол, Хранители — все это добро, все это — величественно, прекрасно, благородно, возвышенно, кристально-чисто. Потому что это охраняет нашу несвободу — то есть наше счастье» (запись 11; с. 178–179). Главный герой знает по собственному опыту: «<...> самое мучительнее — это заронить в человеке сомнение в том, что он — реальность, трехмерная,— а не какая-либо иная — реальность» (запись 21; с. 218). Любовное чувство так захватывает героя, что он готов переносить любые страдания, хотя тут же вспоминает о правилах, установленных Единым Государством: «Какой абсурд — хотеть боли! Кому же не понятно, что болевые — отрицательные слагаемые уменьшают ту сумму, которую мы называем счастьем» (запись 24; с. 229).

---

[19] Здесь и далее текст романа цит. по изд.: Евгений Замятин. «Мы»: Текст и мат-лы к творческой истории романа / Сост., подг. текста, публ., коммент. и статьи М. Ю. Любимовой, Дж. Куртис. СПб., 2011. В круглых скобках указывается номер главы — «записи» и номер страницы.

В романе Замятина в записях 6, 7, 10, 13, 17 встречается имя Будды, создавшего религиозное учение о равенстве всех людей в страдании и праве на «спасение». Смысловые связи образа Будды с образом Благодетеля в романе раскрываются полнее, если принять во внимание беседы англичанина Лесли со стариком-индусом о сущности восточного учения, приведенные Успенским. Индус поучает Лесли: «Й о г а, именно и есть з а п р я г а н и е ж и з н и в я р м о и д е й. Вы знаете, что слово йога имеет один корень с вашим словом yug (ярмо, иго)»; «Нужно уничтожить противоречие между жизнью идей и реальной ежедневной жизнью. Для этого нужно, чтобы вы знали себя. Каждый момент знали, что и для чего вы делаете. Только тогда вы будете владеть вещами, а не вещи будут владеть вами»[20]. И Будда, и Благодетель выступают здесь как представители двух «субъективных доктрин», которые каждый из них воплощает в реальной жизни, навязывая поголовное «спасение». И тогда раскрывается смысл фразы Д-503: «но мне спасенья уже нет, я н е х о ч у с п а с е н ь я...» (запись 31; с. 262), как избавление от любой регламентации.

Размышления Д-503 о долге гражданина в Едином Государстве вполне созвучны мыслям англичанина Лесли о войне (в повести «Добрый чорт» из «Разговоров с дьяволом»). После возвращения с Востока, йога и буддизм казались Лесли ненужной роскошью; он «должен и думать, и чувствовать, и жить, как римский легионер, обязанность которого защищать от варваров в е ч н ы й г о р о д <...>. А кто знает, в конце концов, где больше варваров — за стенами вечного города — или внутри стен»[21].

Разделяя положение И. Канта, считавшего, что изучение феноменальной стороны мира не приблизит нас к пониманию «вещей в себе»: «“Феномен вещи” — это есть вещь в таком виде, как мы ее воспринимаем», Успенский в «Tertium Organum» приводит пример с часами в руках дикаря: «Представим себе дикаря, “изучающего” часы. Представим себе, что это умный дикарь и хитрый. Он разобрал часы и сосчитал все колесики и винтики, сосчитал число зубчиков на каждом колесике, знает часы вдоль и поперек. Единственно не знает чего,— *зачем они существуют*. И не знает, что стрелка обходит циферблат в половину суток, т. е., что *по часам можно узнавать время.* Это все “позитивизм”». «Для дикаря часы будут очень интересной, сложной, но совершенно бесполезной игрушкой. <...> Приблизительно таким же, бесконечно более сложным, но неизвестно для чего сущест-

[20] *Успенский П.Д.* Разговоры с дьяволом. С. 123, 126.

[21] Там же. С 164.

вующим и неизвестно каким образом создавшимся *механизмом*», таким же представляется *человек* взгляду ученого-материалиста». Этим примером Успенский объясняет «двумерность» позитивной философии: «“Материализм”, или “энергетизм”, утверждает, что явления жизни и сознания — только функция физических явлений, что без физических явлений явления жизни и сознания существовать не могут, и представляют собой только известную сложную комбинацию этих последних». «И мы с полным правом можем сказать, что энергетизм — это такая же субъективная теория, как любая доктрина догматической теологии»[22].

Замятин развивает эту идею Успенского в эпизоде «дикарь с барометром», демонстрируя, как она воплощается в жизни: «Недавно археологи откопали одну книгу 20-го века. В ней иронический автор рассказывает о дикаре и о барометре. Дикарь заметил: всякий раз, как барометр останавливался на “дожде”,— действительно шел дождь. И так как дикарю захотелось дождя, то он повыковырял ровно столько ртути, чтобы уровень стал на “дождь” (на экране — дикарь в перьях, выколупывающий ртуть: смех). Вы смеетесь: но не кажется ли вам, что смеха гораздо более достоин европеец той эпохи. Так же, как и дикарь, европеец хотел “дождя” — дождя с прописной буквы, дождя алгебраического. Но он стоял перед барометром мокрой курицей. У дикаря, по крайней мере, было больше смелости и энергии и — пусть дикой — логики: он сумел установить, что есть связь между следствием и причиной. Выковырив ртуть, он сумел сделать первый шаг на том великом пути, по которому...» (запись 4; с. 149–150).

Успенский в «Tertium Organum» цитирует сочинения философа II в. Климента Александрийского (по английской книге «Extracts from the Writings of Clement of Alexandria») и объясняет смысл его высказываний: «Диалектически истина изображается только в перспективе,— т. е. *неизбежно* в искаженном виде», истине присущи «невыразимость в словах» и «условность всех философских систем и формулировок». «Сколько споров, сколько религиозных распрей, сколько насилия над чужой мыслью стало бы совершенно не нужно и невозможно,— утверждает Успенский,— если бы люди поняли, что никто не обладает истиной, а все ищут ее, каждый по-своему»[23]. Замятину так же, как Успенскому, враждебна любая ортодоксальная доктрина, уничтожающая здоровую, чувственную радость земного бытия (и в этом они следуют

[22] *Успенский П.Д.* Tertium Organum. С. 122–123, 125–127.

[23] Там же. С. 273–274.

за Ф. Ницше[24]). Так же, как немецкий философ, они не приемлют никакого господства над человечеством «с целью его осчастливливания»[25], и утверждают: никакая философская система не может целиком войти в жизнь и процесс поиска истины ценнее, чем борьба за ее воплощение.

Если принять во внимание рассуждения Успенского о четвертом измерении, о времени и о пространстве, его обращение к пространственно-временному континууму А. Эйнштейна и Г. Минковского, а также иллюстрацию этих идей фрагментами из романа «Идиот» Достоевского, то возможно объяснить происхождение и смысл интегрального образа «корень из минус-единицы». «*Тайна времени* проникает все,— пишет Успенский.— *Тайна мысли* создает все». «*Тайна бесконечности* — больше всех тайн. Она говорит нам, что все звездные миры — вся видимая вселенная *не имеют измерения* рядом с бесконечностью — равны точке, математической точке, не имеющей никакого протяжения. И в "положительном" мышлении мы все время делаем усилия, чтобы *забыть об этом, не думать*». Успенский обращается к описаниям эпилептических состояний и цитирует слова князя Мышкина: «В этот момент,— как говорил он однажды Рогожину в Москве, во время их тамошних сходок,— в этот момент мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что *времени больше не будет*. Вероятно,— прибавил он, улыбаясь,— это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако, в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы»[26]. Эти идеи получают художественное оформление у Замятина. Д-503 ощущает во сне, как «иррациональные величины» прорастают сквозь все привычное и трехмерное. Проснувшись, он разматывает «логическую цепь» вполне рационально: «Всякому уравнению, всякой формуле в поверхностном мире соответствует кривая или тело. Для формул иррациональных, для моего $\sqrt{-1}$, мы не знаем соответствующих тел, мы никогда не видели их... Но в том-то и ужас, что эти тела — невидимые — есть, они непременно, неминуемо должны быть: потому что в математике, как на экране, проходят перед нами их причудливые, колючие тени — иррациональные формулы; а математика

---

[24] Как заметил А. Ровнер, «Ницше — наиболее цитирумый автор у Успенского» (*Ровнер А.Б.* Гурджиев и Успенский. С. 109). О влиянии идей Ницше на творчество Замятина см.: *Любимова М.Ю.* Биография Е.И. Замятина. Источники для реконструкции // Евгений Замятин и культура XX века. С. 17–21, 21, 23, 24, 34, 35.

[25] См.: Сумерки богов: [Сб.] // Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др. / Сост., общ. ред. и предисл. А.А. Яковлева. М., 1989. С. 83–84.

[26] *Успенский П.Д.* Tertium Organum. С. 184–185, 287.

и смерть — никогда не ошибаются. И если этих тел мы не видим в нашем мире, на поверхности, для них есть — неизбежно должен быть — целый огромный мир там, за поверхностью...». Герой ощущает, что этот $\sqrt{-1}$, «минус-жало», не что иное как его «душа», подобная «легендарному скорпиону древних, добровольно жалящая себя» (запись 18; с. 204–205). Здесь важно иметь в виду, что похожую на «корень из минус-единицы» величину вместо обычной координаты времени вводят А. Эйнштейн и Г. Минковский: $\sqrt{-1}\,ct$ («переменное мнимое»)[27].

Возможно, что рассуждения Успенского о «бесконечной сфере», в виде которой человек представляет мир, послужили одним из источников для изображения восприятия Д-503 не только окружающего мира, но и себя в нем: «И что это за странная манера — считать меня только чьей-то тенью. А, может быть, сами вы все — мои тени» (запись 21; с. 218); «Это почему-то врезалось острее всего: тысячи беззвучно орущих ртов — как на экране чудовищного кино. <...> Это уже не на экране — это во мне самом, в стиснутом сердце, в застучавших часто висках» (запись 25; с. 234–235). По Успенскому, в «бесконечной сфере» происходит постоянная смена картин, образов, отношений. «Она для нас как бы экран кинематографа, через который быстро бегут отражения картин. <...> Если “бесконечная сфера” есть экран кинематографа, то наше сознание есть *свет*; проникая сквозь нашу психику, т. е. сквозь запас наших впечатлений (картины), он бросает на экран их отражение, которое мы называем *жизнью*. Но откуда идут к нам впечатления? *С того же экрана*. <...> Позитивная философия изучает один *экран* и картины, проходящие на нем. Поэтому для нее и остается вечной загадкой вопрос — откуда приходят и куда уходят картины и *почему* они приходят и уходят, а не остаются вечно одни и те же. Но *кинематограф* нужно изучать, начиная *с источника света*, т. е. с *сознания*, затем переходить к *картинам* на движущейся ленте и только потом изучать *отражение*»[28].

Возможно, что приведенная Успенским цитата из работы филолога и историка религии М. Мюллера: «...главная цель всякой религии заключалась в том, чтобы соединить опять эти оба мира <видимый и невидимый, земной и небесный, материальный и духовный, феноменальный и номенальный.— *М.Л.*> сводами надежды и страха или железными цепями логических силлогизмов»[29],— послужила

---

[27] См., например: *Эйнштейн А.* О специальной и общей теории относительности. Общедоступное изложение / Пер. с 5-го нем. изд. С. И. Вавилова; под ред. А. П. Афанасьева. Пг., 1921. С. 84.

[28] *Успенский П.Д.* Tertium Organum. С. 95–96.

[29] Там же. С. 262.

Замятину стимулом для развития «силлогизма» из дедуктивного умозаключения в интегральный художественный образ. В день Великой Операции в Государственной Газете опубликован призыв к гражданам Единого Государства: «Радуйтесь. Ибо отныне вы — с о в е р ш е н н ы! До сего дня ваши же детища, механизмы,— <были> совершеннее вас. Чем? Каждая искра динамо — искра чистейшего разума; каждый ход поршня — непорочный силлогизм. Но разве не тот же безошибочный разум и в вас?» (запись 31; с. 257). Перед полетом «Интеграла» герой уговаривает себя: «Возьми себя в руки, Д-503. Насади себя на крепкую логическую ось — хоть ненадолго, налегни изо всех сил на рычаг — и, как древний раб, ворочай жернова силлогизмов — пока не запишешь, не обмыслишь всего, что случилось...» (запись 34; с. 269). Встречу в Древнем Доме с I-330 он пытается выстроить в логическую цепь: «Мне как-то неловко, планетные мои читатели, рассказывать вам об этом совершенно невероятном происшествии. Но что ж делать, если все это было именно так. А разве весь день с самого утра не был полон невероятностей, разве не похоже все на эту древнюю болезнь сновидений? И если так — не все ли равно: одной нелепостью больше или меньше? Кроме того, я уверен: раньше или позже всякую нелепость мне удастся включить в какой-нибудь силлогизм. Это меня успокаивает, надеюсь, успокоит и вас» (запись 13; с. 187.). Все, что произошло в День Единогласия, на выборах в очередной (48-й) раз Благодетеля, отразилось в отчете в Государственной Газете: «Торжество омрачено было некоторым замешательством, вызванным врагами счастья, которые тем самым, естественно, лишили себя права стать кирпичами обновленного вчера фундамента Единого Государства. Всякому ясно, что принять в расчет их голоса было бы так же нелепо, как принять за часть великолепной, героической симфонии — кашель случайно присутствующих в концертном зале больных...» Прочитав официальную версию, герой восклицает: «О, мудрый! Неужели мы все-таки, несмотря ни на что,— спасены? Но что же, в самом деле, можно возразить на этот кристальнейший силлогизм?» (запись 26; с. 237).

Возможно, что высказывание Успенского: «Идея может действовать века и тысячелетия и только расти и углубляться, вызывая все новые и новые ряды явлений, освобождая все новую и новую энергию. <...> Какое-нибудь одно маленькое стихотворение может жить тысячелетия, заставляя сотни людей работать для себя, служить себе, передавать себя дальше. Посмотрите, сколько потенциальной энергии в каком-нибудь маленьком стихотворении Пушкина или Лермонтова. Эта энергия воздействует не только на чувства людей,

но самым своим существованием действует на их волю»[30],— навели Замятина на мысль ввести в роман образ поэта R-13.

Другие идеи Успенского — о любви, о воображении (фантазии), об искусстве — также созвучны Замятину: «История культуры, это — история любви!»; «...любовь служит не жизни, а высшему постижению»; «Есть стороны жизни, о которых может и имеет право говорить только искусство»; «...искусство — это уже *начало зрения*. Оно видит гораздо больше того, что видят самые усовершенствованные аппараты. И оно ощущает бесконечные невидимые грани того кристалла, одну из граней которого мы называем человеком»[31]. В предисловии к работе Ч. Г. Хинтона «Воспитание воображения и четвертое измерение» Успенский писал о значении фантазии в жизни человека: «Фантазия — вот ключ к миру чудесного и следовательно к миру истинного. Мы долго забывали о фантазии, предпочитая ей действительность, которая совсем не существует и есть один сплошной обман, а в конце концов обманывает нас окончательно, расплываясь, как мираж в момент смерти»[32].

Замятину близок метод Успенского — рассмотрение жизни через призму взаимодействия ординарной и идеальных моделей, его стремление системно осмыслить психологическое знание на макро- и микроуровнях, ему созвучна идея синтеза психологии с эзотерикой, ведущего к более высокому уровню осознанной жизни, некоторые размышления о природе сексуальности. Особый интерес Замятина был связан и с теорией четвертого измерения, идеей возвращения,— их развивал Успенский.

Успенского и Замятина сближает универсальный характер личности, многообразие интересов и занятий, эрудиция в гуманитарных, точных и естественных науках. Обнаруживается сходство в построении их текстов: обилие самых разнообразных цитируемых источников, рассмотрение явлений в разных системах координат, парадоксальность мышления, лаконичность изложения, самобытность в оценках. Особенность творческой манеры Замятина определил Л. Геллер: «Так же, как разные предметы смещаются и совмещаются у него в зрительном синтезе, так смещаются и совмещаются фрагменты из разных книг, разных поэтик, разных философских учений»[33].

---

[30] Там же. С. 120.

[31] *Успенский П.Д.* Tertium Organum. С. 153, 149, 142–143.

[32] *Успенский П.Д.* Идеи Хинтона и их приложение к жизни // Хинтон Ч. Г. Воспитание воображения и четвертое измерение. Пг.: Лит. кн. лавка, 1915. С. XII.

[33] *Геллер Л.* Евгений Замятин: уникальность творческого почерка (?) // Кредо. 1995. № 10–11. С. 20.

Действительно, роман «Мы» — это некий «насыщенный раствор», в котором «взвешенными частицами» являются библейские сюжеты; живописные и музыкальные образы; цитаты из прозы и поэзии, философских и исторических сочинений, газетных статей; математические и естественнонаучные термины и понятия.

Заметим, что горячим поклонником Успенского являлся Бернард Шоу[34]. Вероятно, Б. Шоу импонировал в работах Успенского междисциплинарный подход к изучению человека в истории. На необходимость такого подхода он указывал своему биографу Х. Пирсону: «Вы всё еще одной ногой в XIX веке. Религию, политику, науку, искусство вы растасовали по гнездышкам, представив дело так, будто это всё несовместимые, взаимоисключающие вещи. Но в жизни так не бывает. Не бывает только верующего человека, только политика, только ученого, только художника. Природа перемешивает всё это в одном человеке в разных пропорциях»[35].

Среди посетителей лекций Успенского в 1930-е гг. в Англии был другой английский писатель О. Хаксли, автор романа «О дивный новый мир» (1932). В интервью (апрель 1932 г.) Ф. Лефевру, главному издателю «Les Nouvelles Littéraires», Замятин сказал: «В своем последнем романе английский беллетрист Олдос Хаксли развивает почти те же самые идеи и сюжетные положения, которые даны в “Мы”. Дриё Ла Рошель[36] на днях рассказывал мне, что при встрече с Хаксли он даже спрашивал его, не читал ли Хаксли “Мы”; оказалось, что нет. Что и подтверждает, что эти идеи витают в грозовом воздухе, которым мы дышим»[37]. Возможно, что идеи П. Д. Успенского, усвоенные Замятиным и Хаксли, и воплощенные в их романах по-разному, все же узнавались читателями как общие.

Английский писатель Дж. Оруэлл, неустанно продвигавший издание романа «Мы» в Англии, в 1946 г. в рецензии на французское издание романа «Мы» отметил сходство и различие романов О. Хаксли и Замятина: «...любопытный литературный феномен нашего книгосжигательского века. <...> удивительно, что ни один английский из-

---

[34] В архиве Б. Шоу сохранился объемный конспект (переписан Шарлоттой Шоу) книги «Tertium Organum» (George Bernard Shaw: An Inventory of His Collection at the Harry Ransom. Humanities Research Center, University of Texas at Austin).

[35] *Пирсон Х.* Бернард Шоу / Пер. с англ. В. Харитонова и М. Марецкой; ред. и послесл. Д. Шестакова. М., 1972. С. 388–389.

[36] Дриё ла Рошель Пьер Е. (Drieu la Rochelle, Pierre E.; 1893–1945) — французский писатель.

[37] *Лефевр Ф.* Один час с Замятиным, кораблестроителем, прозаиком и драматургом. Цит. по: *Замятин Е.* Я боюсь. С. 257–258.

датель не проявил достаточно предприимчивости, чтобы перепечатать ее (книгу Замятина. — *М.Л.*) <...> роман Олдоса Хаксли "О дивный новый мир", видимо, отчасти обязан своим появлением этой книге. <...> Атмосфера обеих книг схожа, и изображается, грубо говоря, один и тот же тип общества, хотя у Хаксли не так явно ощущается политический подтекст и заметнее влияние новейших и психологических теорий. <...> Именно это интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма — жертвенности, жестокости как самоцели, обожание Вождя, наделенного божественными чертами, — ставит книгу Замятина выше книги Хаксли. <...> Цель Замятина, видимо, не изобразить конкретную страну, а показать нам, чем нам грозит машинная цивилизация»[38].

Есть основания предполагать, что диапазон функционирования текстов Успенского в наследии Замятина достаточно широк. Вероятно, Замятину были известны и другие работы философа; в его текстах обнаруживаются многочисленные параллели, аллюзии, скрытые цитаты из них.

[38] Цит. по: *Оруэлл Д.* Рецензия на «Мы» Е. И. Замятина / Пер. А. П. Шишкина // Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет: Роман и художественная публицистика. М., 1989. С. 306, 308–309. Рецензия впервые опубл.: *Orwell G.* «We» by E. I. Zamyatin // Tribune. 1946. 4 Jan. Об участии Оруэлла в издании романа Замятина см. подробнее: *Куртис Дж.* История издания романа «Мы», переводы и публикации // Евгений Замятин. «Мы»: Текст и мат-лы к творческой истории романа. С. 500, 512, 521, 522–524, 532, 533.